„Про

Л. Меньщиковъ

Россійская Соціалдемократ
Рабочая партія
Рабочей газеты
„Правда"

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

П. А. Столыпину

русскому премьеръ-министру

IMPR. A. GNATOWSKY. 8, Rue FROIDEVAUX
PARIS
1911

„Пров
СОЦИ

Открытое письмо П. А. Столыпину, русскому премьеръ-министру.

Милостивый Государь!

Ровно 25 лѣтъ тому назадъ, 6-го февраля 1886 года, я былъ арестованъ.

За что меня бросили въ тюрьму? Мнѣ было 16 лѣтъ. Къ тайнымъ организаціямъ я не принадлежалъ, въ революціонныхъ предпріятіяхъ не участвовалъ. Мой юношескій умъ стремился къ знаніямъ, и я читалъ, не исключая и того, что миновало цензуру. Молодое сердце мое жаждало правды — и я шелъ къ тѣмъ, кому она была такъ же дорога, какъ и мнѣ. Этого оказалось достаточно для того, чтобы грубая рука жандарма выхватила меня изъ общества, оторвала отъ родныхъ, отняла школу, лишила труда!

За желѣзною рѣшеткою, въ душной и тѣсной камерѣ, для меня сдѣлалось вполнѣ ясно, на чьей сторонѣ одна только сила и за кѣмъ стоитъ право. Хорошо-ли, разсуждалъ я, поступаютъ тѣ, которые, опираясь на матеріальное преобладаніе, преслѣдуютъ ищущихъ правды, душатъ всякое проявленіе свободной мысли, вольнаго слова?

Тамъ и тогда я окончательно понялъ, что недостаточно имѣть право, — надо располагать возможностью осуществить его, что возможность эту нельзя добыть безъ борьбы и что послѣдняя, въ силу деспотической нетерпимости правительственной власти, вынуждена прибѣгать къ формамъ нелегальнымъ.

Но длительные дни и мѣсяцы уединеннаго пребыванія въ четырехъ стѣнахъ угрюмой камеры дали мнѣ и нѣчто иное.

Съ самаго начала моего сидѣнія въ тюрьмѣ въ мою душу закралось подозрѣніе, что я сдѣлался жертвою доноса. Моя догадка нашла себѣ подтвержденіе. Очень скоро выяснилось, что я и многіе другіе были арестованы вслѣдствіе предательства одного молодого человѣка. Имя этого господина Вамъ должно быть извѣстно: министерство, во главѣ котораго Вы числитесь, платитъ ему нынѣ 5.000 рублей ежегодной ренты. Это былъ О. В. Зубатовъ.

Я былъ пораженъ до глубины души. Отъ товарища, оказавшагося тайнымъ агентомъ полиціи, у меня не было секретовъ;

познакомилъ меня съ нимъ человѣкъ, тоже ему довѣрявшій, человѣкъ умный, честный, немолодой и опытный. Въ числѣ лицъ, выданныхъ тѣмъ же шпіономъ, имѣлось немало людей зрѣлыхъ, серьезныхъ, проницательныхъ. Самое дѣло велось очень добросовѣстно, съ обычными предосторожностями и замысловатою конспираціею. И вдругъ, о, позоръ! Какой-то недоучившійся гимназистъ легко обманываетъ всѣхъ; дѣятелей самыхъ бывалыхъ, тщательнѣйшимъ образомъ выслѣживаетъ, и, все съ такимъ трудомъ созданное, рушится отъ одного удара!

Какъ это могло случиться, думалъ я. Неужели врагъ такъ силенъ и ловокъ, что каждый революціонеръ, только-что вступившій на свой тернистый путь, сейчасъ же попадаетъ въ его цѣпкія сѣти? Значитъ, жертвы, которыя мы приносили, безполезны, борьба, которую мы ведемъ, безцѣльна?!..

Я переживалъ тяжелую драму. Горечь несбывшихся надеждъ и ѣдкія муки сомнѣній терзали мою душу. Минутами я приходилъ въ отчаяніе и находился въ томъ состояніи, которое многихъ приводитъ къ полному разочарованію, къ потерѣ всякой вѣры въ торжество правды, а нѣкоторыхъ толкаетъ на самоубійство. Уравновѣшенный характеръ и критическая складка ума удержали меня отъ крайностей. Но на старую, избитую тропу меня не тянуло уже — я не вѣрилъ, что она можетъ привести въ „землю обѣтованную".

Тогда я рѣшилъ избрать собственный путь.

* * *

Я разсудилъ такъ. Не слѣдуетъ оставлять своего знамени только потому, что несущіе его иногда спотыкаются. Нельзя терять вѣру въ идеалъ изъ-за того лишь, что стремящіеся къ нему дѣлаютъ ошибки, имѣютъ недостаки. Но мало смысла и въ борьбѣ, несущей безконечныя страданія и даже гибель многимъ, если она обречена на постоянныя неудачи. Что пользы въ геройствѣ, идущемъ съ обнаженной грудью на непріятеля, разящаго изъ-за угла. Трудно обезпечить побѣду однимъ благородствомъ стремленій и безумною отвагою. Безразсудно рваться въ бой съ врагомъ, не зная его силъ и оружія.

И я надумалъ пойти къ тѣмъ, кого ненавидѣлъ. Я рѣшилъ проникнуть во вражескій лагерь, чтобы вывѣдать то, что хранилось подъ чернымъ покрываломъ полицейскихъ секретовъ — узнать личный составъ, организацію и систему дѣйствій защитниковъ самодержавія, съ тѣмъ, чтобы разоблачить все въ наиболѣе благопріятный моментъ, передъ друзьями свободы и русскаго народа.

Я не отдавалъ тогда себѣ яснаго отчета въ томъ, насколько подобныя средства оправдываются хорошей цѣлью — я разрѣшалъ вопросъ исключительно въ области практическаго разсчета. Мною руководила мысль, что, во всякомъ случаѣ, то, что я сдѣлаю въ пользу революціи, будетъ неизмѣримо больше

зла, которое я вынужденъ буду причинить ей, находясь во враждебномъ лагерѣ. Я сознавалъ, что, вступая на этотъ путь, я тѣмъ самымъ ставилъ себя внѣ круга людей идейныхъ и честныхъ. Я зналъ, что буду жестоко страдать, ибо предвидѣлъ, что мнѣ придется причинять горе тѣмъ, на сторонѣ которыхъ были всѣ мои симпатіи. Я понималъ, что приговоръ этихъ людей будетъ суровъ: они не могли знать сути моего дѣла, а я не могъ имъ объяснить ее, не рискуя успѣхомъ всего моего предпріятія. Но интересъ своей личности я ставилъ на заднемъ планѣ и сознательно жертвовалъ честью своего имени ради дѣла, которое считалъ святымъ. Моя совѣсть была спокойна, — я былъ увѣренъ, что не измѣню завѣту своей юности и что моя жизнь, взятая въ цѣломъ, все то, что я совершу впослѣдствіи, будутъ лучшимъ доказательствомъ чистоты моихъ намѣреній.

* * *

Итакъ, я поставилъ себѣ опредѣленную цѣль и, желая достигнуть ея, долженъ былъ искать и соотвѣтствующихъ средствъ.

Я далъ такъ называемыя откровенныя показанія — разсказалъ на дознаніи то немногое, что зналъ и что Зубатову извѣстно было гораздо болѣе. Послѣ 9-ти мѣсячнаго заключенія, въ виду моего „раскаянія“, я былъ освобожденъ. Одинокій, безстрашно я вступилъ на путь, ведущій въ таинственный міръ, кишащій гадами и чудовищами.

Но то, что представлялось пылкому воображенію юноши легко достижимымъ, на дѣлѣ оказалось гораздо труднѣе.

Начальникъ московскаго охраннаго отдѣленія Бердяевъ прежде всего сдѣлалъ мнѣ предложеніе поступить на службу „секретнымъ сотрудникомъ“, т. е. находиться среди революціонеровъ и выдавать ихъ — я рѣшительно отказался. Тогда меня назначили въ наружную слѣжку.

Потянулись мучительные дни торчанія на улицахъ, бѣганья по пятамъ тѣхъ, кто недавно составлялъ кругъ моихъ пріятелей. Невыносимо тяжелымъ, и по физической изнурительности и по моральнымъ страданіямъ, показалось мнѣ бремя, на себя возложенное. Мое терпѣніе замѣтно пошло на убыль; мнѣ стало казаться, что главное сдѣлано, что пришло время дѣйствовать. Я рѣшилъ спасти организацію, около которой сконцентрировалась тогда революціонная жизнь, и написалъ одному изъ членовъ группы письмо, приглашавшее его на свиданіе, по „важному дѣлу“. Г-жа Копылова не явилась; она не рѣшилась, повидимому, идти въ 11 часовъ вечера на одинъ изъ отдаленныхъ скверовъ Москвы. „Самоуправленіе“ было разгромлено. Наступили мертвые дни политическаго затишья — всероссійская спячка эпохи Александра III.

Меня выручилъ тотъ, кто меня предалъ, Зубатовъ, успѣвшій очень быстро сдѣлаться первымъ лицомъ въ московскомъ

охранномъ отдѣленіи, чувствуя себя какъ бы виновнымъ передо мною, началъ выдвигать меня, пользуясь мною, какъ хорошимъ перомъ; я сталъ достигать „степеней извѣстныхъ“.

Но не сразу открылись предо мной мрачные тайники современной опричины. Я очень скоро убѣдился, какъ наивно было представленіе о томъ, что стоитъ только попасть въ ряды охранниковъ, какъ всѣ секреты откроются. Я увидѣлъ, что въ этой сферѣ „мелкой сошкѣ“ — филеру, писцу — могутъ быть доступны только незначительныя свѣдѣнія. Я понялъ, что для того, чтобы пріобрѣсти довѣріе, занять необходимое положеніе, требуется время, что я долженъ пойти на новыя испытанія — на длительное пребываніе во враждебной средѣ, чтобы достигнуть результатовъ, которые стоили бы принесенныхъ жертвъ. И чѣмъ болѣе я подвигался впередъ, тѣмъ дѣлалось очевиднѣе для меня, какъ великъ сложный лабиринтъ этого мірка и какъ мало еще я знаю его. Прошло полтора десятка лѣтъ, пока я узрѣлъ святое святыхъ политическаго сыска и получилъ доступъ во всѣ темные уголки его. Минули мучительные годы, когда я, чуждый по своимъ вкусамъ и привычкамъ окружавшей меня средѣ, принужденный избѣгать общества, въ которомъ я не могъ быть самимъ собой, жилъ одной надеждой на близость осуществленія завѣтныхъ желаній. Наконецъ, я достигъ главнѣшей цѣли: изучилъ во всей полнотѣ боевую организацію правительства, ея наличныя силы, и проникъ въ самый штабъ, руководившій борьбой съ такъ называемой „крамолой“. Я занялъ постъ старшаго помощника завѣдывающаго „особымъ отдѣломъ“ департамента полиціи, того отдѣла, который являлся двигательной силой всего розыскного механизма. Болѣе того, передо мною открывалась заманчивая перспектива: я могъ стать во главѣ этого „отдѣла“, и тогда врагъ очутился бы всецѣло въ моихъ рукахъ. Революціонное движеніе росло; подходящій моментъ близился...

* * *

Наступилъ 1905 годъ. Волна общественнаго подъема достигла наивысшей точки; бюрократическія верхи были смущены, растерялись; многіе думали, что пришло начало конца. Я не раздѣлялъ этого мнѣнія; я видѣлъ, что движеніе не носило характера сознательнаго народнаго протеста, что массовыя выступленія были явленіями спорадическими и что партійныя организаціи еще не овладѣли разыгравшейся стихійной силой и шли позади событій. Въ этотъ критическій моментъ, я съ ужасомъ узналъ, что у самаго центра партіи, активная и планомѣрная дѣятельность которой была при данномъ положеніи вещей наиболѣе необходимой, встали два крупныхъ провокатора, и правительство, раскинувъ широко сѣть наблюденій, подводило итоги съ тѣмъ, чтобы единымъ взмахомъ покончить съ этой партіей, какъ съ однимъ изъ опаснѣйшихъ своихъ противниковъ...

Я не выдержалъ! „Исторія не часто повторяется; едва-ли я дождусь болѣе благопріятнаго стеченія обстоятельствъ; надо дѣйствовать“, — такъ подумалъ я. И, вопреки своему правилу — полагаться лишь на самого себя, обратился къ вождямъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ съ письмомъ, въ которомъ указалъ, съ приведеніемъ ряда фактовъ, на предательство Татарова и Азефа и предложилъ, при условіи точнаго соблюденія выставленныхъ мною требованій, вступить въ сношенія со мною, обѣщая продолжать разоблаченія.

Революціонеры мнѣ не повѣрили; со стороны полиціи на меня легла тѣнь подозрѣній; я былъ выбитъ изъ колеи. Подъ предлогомъ организаціи агентуры въ Финляндіи меня удалили изъ Петербурга, отъ центра. Когда попытки выяснить автора знаменитаго письма оказались безрезультатными, г. Трусевичъ, директоръ департамента полиціи, отнесшійся вначалѣ недовѣрчиво ко мнѣ, нашелъ возможнымъ командировать меня въ Варшаву для ревизіи мѣстнаго охраннаго отдѣленія; по исполненіи этого порученія, онъ предложилъ мнѣ остаться въ Польшѣ для завѣдыванія всѣмъ розыскомъ въ краѣ.

Это для меня не имѣло смысла — провинція не могла мнѣ дать чего-либо новаго, существеннаго. Съ другой стороны, политическая борьба двухъ лагерей въ это время превратилась въ гражданскую войну: полилась кровь, появились висѣлцы...

* * *

Въ октябрѣ 1906 года я подалъ прошеніе объ отставкѣ. Мнѣ дали „усиленную“ пенсію — 1300 руб. въ годъ. Я удалился въ гостепріимную Финляндію. Здѣсь, въ странѣ относительной свободы, я могъ спокойнѣе заняться исключительно своимъ дѣломъ, и посвятилъ ему все свое время. Разобравшись нѣсколько въ накопившихся у меня годами кипахъ бумагъ, я поспѣшилъ дублицировать документы наибольшей важности, чтобы гарантировать свой архивъ отъ случайностей, и сталъ готовиться къ переправѣ его „въ предѣлы недосягаемости“. Мысль, что подозрѣнія въ отношеніи меня еще не оставлены, и что я однимъ разомъ могу потерять все свое „богатство“, заключавшееся въ двухъ-трехъ чемоданахъ, заставляла меня принимать особыя предосторожности, и потому у себя въ дому я имѣлъ лишь самое необходимое для работы. Въ случаѣ обыска я рѣшилъ, подъ видомъ неосторожности съ огнемъ, устроить пожаръ и сжечь все вмѣстѣ съ дачей (строеніе было деревянное). Дѣтей своихъ спасти я успѣлъ бы... Какъ отшельникъ, сидѣлъ я по ночамъ за работой наверху своего уединеннаго домика и чутко прислушивался, не залаютъ ли мои собаки на незванныхъ гостей...

Дѣло еще болѣе осложнилось, когда Бакай, эмигрировавшій за границу, вступилъ со мною въ переписку; онъ звалъ меня на свиданіе, просилъ дать документы, спрашивалъ, кто такой

„Раскинъ“... Я отнесся къ Бакаю недовѣрчиво; кто-то сказалъ мнѣ, что онъ находится въ сношеніяхъ съ Гартингомъ; я началъ думать, что все это — маневры охранниковъ, желавшихъ такимъ путемъ испытать меня. Я отвѣчалъ уклончиво; объ Азефѣ я сдѣлалъ только подтверждающій намекъ, будучи въ полной увѣренности, что, послѣ моего предупредительнаго письма, онъ находится въ сторонѣ отъ всякой партійной дѣятельности; формальное изобличеніе его я считалъ дѣломъ второстепеннымъ, дѣломъ, которое я могъ выполнить, уже перейдя Рубиконъ. Совершенно изолированный и отъ охранныхъ сферъ и отъ революціонной среды, я не зналъ ужасной дѣйствительности...

Неожиданно для меня разыгралась Лопухинская исторія. Съ минуты на минуту я сталъ ожидать какихъ либо мѣропріятій въ отношеніи меня со стороны слѣдственной власти, серьезно занявшейся этимъ дѣломъ. Я опасался, что корреспонденція съ Бакаемъ, которому я никакъ не могъ объяснить своего положенія, могла быть перлюстрирована; это повело бы къ роковымъ послѣдствіямъ, тѣмъ болѣе, что и самое превращеніе бывшаго чиновника охраны въ разоблачителя могло быть приписано моему вліянію: находясь въ послѣдній разъ въ Варшавѣ, я былъ болѣе всего близокъ именно съ нимъ. Почти на полгода я вынужденъ былъ прервать свою работу. Допуская возможность наблюденія за мною, я, въ часы отдыха, занимался садомъ, копался въ огородѣ, никуда не ходилъ, велъ образъ жизни „толстовца“. Никогда мнѣ не было такъ тяжело, какъ въ эти мѣсяцы. Состояніе постоянныхъ опасеній, вынужденное бездѣйствіе, мучительно страстное желаніе поскорѣе оказать помощь дорогому дѣлу въ моментъ, когда оно, казавшееся многимъ безнадежно потеряннымъ, особенно нуждалось въ поддержкѣ, гнетущая необходимость терпѣливо выжидать еще и еще — надрывали мои силы, временами я чувствовалъ себя совершенно больнымъ...

Но гроза миновала! Хитроумные Лекоки всѣхъ ранговъ устали, повидимому, ломать голову надъ раскрытіемъ таинственнаго анонима и я могъ спокойно отправиться „искать для себя хуторокъ“ на югъ Россіи... и очутился на югѣ гостепріимной Франціи!..

Здѣсь я поспѣшилъ разоблачить крупнѣйшихъ шпіоновъ, какъ Гартингъ, Жученко, Каплинскій, Серебрякова, Батушанскій, а также сообщилъ революціоннымъ партіямъ сотни именъ другихъ извѣстныхъ мнѣ провокаторовъ и агентовъ охраны...

---

20 лѣтъ я пробылъ во вражьемъ станѣ. Я служилъ простымъ филеромъ и мелкимъ канцеляристомъ, стоялъ во главѣ московской охраны и былъ въ самомъ штабѣ, руководившемъ борьбой съ „врагами общественной безопасности“. Я практически ознакомился со всѣми ухищреніями наружнаго наблюденія,

изучилъ постановку внутренней агентуры, ходъ и формы секретнаго дѣлопроизводства. Я видѣлъ десятки охранныхъ отдѣленій и жандармскихъ управленій, передъ моими глазами протекала ихъ губительная работа. Я встрѣчалъ и близко зналъ сотни лицъ изъ чернаго легіона, отъ рядовыхъ сыщиковъ до важныхъ сановниковъ. Я имѣлъ въ своихъ рукахъ тысячи документовъ совершенно довѣрительныхъ, конфиденціальныхъ и конфиденціальнѣйшихъ. Въ эпоху, когда борьба бюрократическаго режима съ освободительнымъ движеніемъ развернулась во всю ширь и приняла ожесточеннѣйшій характеръ — я былъ въ самомъ центрѣ круговорота событій, являлся живымъ свидѣтелемъ историческаго поединка. Я видѣлъ продѣлки охранниковъ и ошибки революціонеровъ — я видѣлъ изнанку революціи.

Я много пережилъ и много испыталъ. Мнѣ есть о чемъ разсказать, и то, о чемъ я повѣдаю, можетъ оказаться поучительнымъ. Я надѣюсь, что всѣ безпристрастные люди признаютъ мою искренность. Я не нахожусь въ зависимости отъ какой либо партіи. По натурѣ своей я мало склоненъ къ идеализаціи. Въ страшную эпоху реакціи, въ глухую пору разбитыхъ надеждъ и человѣконенавистничества, когда многіе пали духомъ, не видя просвѣта въ будущемъ, я покинулъ свою больную мать и малыхъ дѣтей съ тѣмъ, чтобы осуществить мечту своей юности, выполнить свою аннибалову клятву. Я знаю, мое правдивое слово навсегда закроетъ мнѣ дорогу къ широкимъ, милымъ равнинамъ моей родины, но для нея принялъ позоръ и страдалъ я, ради нея готовъ пожертвовать я всѣмъ.

И я скажу свое правдивое слово, не смотря ни на что.

Я выведу на бѣлый свѣтъ истину, таящуюся подъ спудомъ правительственныхъ тайнъ. Я уже пригвоздилъ къ позорному столбу многихъ изъ тѣхъ людей, которые безстыдно мѣняютъ помыслы своихъ друзей на рубли, дѣла ихъ —на чины, головы — на ордена. Я покажу теперь въ настоящемъ свѣтѣ темныхъ рыцарей царскосельскихъ „звѣздныхъ палатъ“, шустрыхъ ищеекъ, блестящихъ жандармскихъ рындъ и департаментскихъ юпитеровъ. Я разскажу о гнусныхъ дѣяніяхъ этой клики.

Для Васъ, Милостивый Государь, не будетъ, разумѣется, совершенной новостью то, на что я собираюсь указать. Я не питаю обманчивыхъ надеждъ, что, внявъ моему голосу, Вы измѣните сколько-нибудь къ лучшему образъ своихъ дѣйствій. Я хорошо понимаю, что, находясь во главѣ царскаго правительства, Вы не можете этого сдѣдать ни въ какой мѣрѣ. Это обращеніе мое, повторяю я, преслѣдуетъ совсѣмъ другую цѣль. Я хочу, чтобы Вамъ нельзя было передъ лицомъ общественнаго мнѣнія утверждать, что Вы поступали такъ, какъ поступаете, лишь потому, что Вы не знали всей правды. Я желаю, чтобы каждый въ Россіи и внѣ ея твердо понималъ, что зло, творимое главнымъ органомъ власти, вѣдомствомъ, во главѣ котораго Вы состоите, сдѣлалось „бытовымъ явленіемъ“ не отъ

того, что передъ Вами, премьеръ-министромъ, скрыта ужасная дѣйствительность. Я питаю, наконецъ, надежду, что весь культурный міръ получитъ, такимъ путемъ, нѣкоторую возможность по достоинству оцѣнить искренность Вашихъ „конституціонныхъ“ заявленій, вѣрнѣе опредѣлить характеръ рекламируемаго Вами „обновленнаго строя“ и узнать дѣйствительныя симпатіи и настоящія стремленія того, кому единственно Вы такъ вѣрно, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, служите.

Вы понимаете, конечно, что въ этомъ письмѣ я не могу привести въ доказательство своихъ утвержденій и малой доли того фактическаго матеріала, которымъ я располагаю — онъ слишкомъ обширенъ и сложенъ, я не замедлю цѣликомъ использовать его въ другомъ мѣстѣ. Въ этомъ же письмѣ я принужденъ ограничиться заявленіями общаго характера. Въ данномъ случаѣ я приведу лишь тѣ главнѣйшіе выводы, къ которымъ я пришелъ, наблюдая безпристрастно и долгіе годы жизнь, полную своеобразнаго драматизма, и среду, мало кому доподлинно извѣстную.

* *
*

Кто же и что эти дѣятели политическаго сыска, тѣ сытые и довольные люди, огромныя полчища которыхъ пожираютъ милліоны денегъ, выбитыхъ изъ обнищавшаго народа, и нагло распоряжаются судьбой своихъ ближнихъ, притѣсняютъ, гонятъ, давятъ ихъ?

Я зналъ ихъ, они бесѣдовали со мною, я жилъ съ ними. Хищники, льстецы и невѣжды — вотъ преобладающіе типы охранныхъ сферъ. Пошлость и безсердечіе, трусость и лицемѣріе, вотъ черты, свойственныя мелкимъ и крупнымъ героямъ „міра мерзости и запустѣнія“. Что руководитъ поступками этихъ людей? Я видѣлъ, что однихъ гнала сюда нужда въ хлѣбѣ насущномъ, другихъ соблазняла мысль о легкой наживѣ, третьихъ влекла мечта о почестяхъ, жажда власти. Но я не встрѣчалъ среди нихъ людей идейныхъ, серьезно убѣжденныхъ, безсеребренниковъ, людей, которые бы стояли на своемъ посту дѣйствительно во имя долга, служили бы дѣлу ради высшихъ интересовъ.

И то обстоятельство, что у стяга, на которомъ Вашими стараніями возстановлены полинявшіе пароли монархической тріады, собираются, по преимуществу, люди нечестные, бездарные и некультурные, вовсе не объясняется случайностью; это закономѣрное явленіе, ибо на Ваши лозунги не откликнутся люди другого облика; это результатъ естественнаго подбора, такъ какъ самодержавный режимъ уже многія десятилѣтія отметаетъ отъ общественной и государственной дѣятельности все наиболѣе добросовѣстное, искреннее и талантливое, губитъ въ тюрьмахъ, ссылкахъ и каторгахъ безчисленное множество молодыхъ силъ, а людей неукротимой энергіи, способныхъ на

самопожертвованіе, толкаетъ на крайности и надѣваетъ на нихъ Ваши, именно Ваши, господинъ Столыпинъ, галстухи.

Не удивляйтесь же, въ такомъ случаѣ, что въ пестрыхъ рядахъ сплотившейся около Васъ черносотенной рати собрались люди, которымъ Вы даже стѣсняетесь подать руку. Только этой кликѣ по душѣ Вашъ каннибальскій патріотизмъ, лишь она будетъ дорожить Вашимъ третьеіюньскимъ „представительнымъ“ строемъ. Не тратьте же деньги на сенаторскія ревизіи, не утруждайте дряхлыхъ генераловъ „обслѣдованіями“ по высочайшимъ повелѣніямъ. Вы должны остаться съ тѣми, безъ которыхъ не можетъ обойтись строй, который Вы называете „обновленнымъ“. Не бойтесь, Ваши сотрудники не покинутъ Васъ — разъ труды ихъ будутъ такъ же щедро оплачиваться, какъ вознаграждались до сихъ поръ; будьте увѣрены, что они не измѣнятъ Вамъ — пока за ихъ спиною будетъ стоять плотная стѣна солдатскихъ штыковъ!

Не стѣсняйтесь. Не только я, вплотную видѣвшій всю закулисную работу правительственнаго механизма, но и другіе, близко къ ней стоящіе, всѣ понимаютъ, что обѣщанія свободъ были результатомъ перепуга придворной камарильи и что Ваша спеціальная задача разогрѣть и преподнести народу подъ жидкимъ соусомъ фальсифицированнаго либерализма старое кушанье азіатскаго деспотизма. Не говорите жалкихъ словъ, которымъ мало кто вѣритъ. Все равно для людей, желающихъ видѣть и слышать, ясно, что никогда безчинства охранительной опричины, издѣвательства въ судахъ, экзекуціи въ тюрьмахъ, репрессіи въ городахъ и селахъ не достигали такихъ гомерическихъ размѣровъ, какъ при Вашемъ просвѣщенномъ руководительствѣ внутренней политикой.

Теперь, когда Вашъ „обожаемый монархъ“ рѣшается выглядывать изъ дворцовыхъ фортификацій, а Вы можете безъ всякихъ блиндажей совершать показные вояжи по странѣ, украшенной въ честь Вашу тысячами висѣлицъ, Вамъ незачѣмъ стѣсняться публичныхъ объятій Азефа, которымъ былъ убитъ Вашъ предшественникъ, и Гартинга, фабриковавшаго бомбы для отца Вашего августѣйшаго патрона. Не гнушайтесь ими: они — и только они Ваша опора. Вамъ нужны Толмачевы и Думбадзе для того, чтобы угнетать страну, эксплоатировать и порабощать народъ, душить всякое свободное слово, личную иниціативу, общественное начинаніе, чтобы загонять въ подполье все маломальски живое и сознательное и создавать спеціально-русскій „криминальный“ міръ, въ которомъ свирѣпо преслѣдуется то, что въ странахъ цивилизованныхъ считаютъ выполненіемъ гражданскихъ обязанностей. Вамъ необходимы Рачковскіе и Зубатовы, Герасимовы и фон-Коттены, чтобы при помощи этихъ слугъ „престола и отечества“, воздвигающихъ карьеру на трупахъ своихъ жертвъ, губить людей, имѣющихъ совѣсть, волю и честь. Вы *принуждены* пользоваться ими и бороться при посредствѣ излюбленныхъ этими господами пріемовъ под-

купа, обмана, запугиванія и насилія. Ибо какъ иначе могло испытывать хоть долю спокойствія „обновленное“ самодержавіе? Вы не можете, въ силу этого, не культивировать зла, позоромъ ложащагося на всю русскую духовную жизнь, несущаго въ нее столько ужасовъ, разврата и несчастій, — *зла провокаціи.*

Вы говорили завѣдомую ложь, или были непростительно плохо освѣдомлены, когда заявляли, что русское правительство не терпитъ этотъ смертный грѣхъ охранныхъ отдѣленій и жандармскихъ управленій. Правда, Вы признавали въ случаяхъ наиболѣе рѣзкихъ, получившихъ уже огласку, элементы провокаціи, но старались все-таки доказать, что она — явленіе спорадическое. Если жандармскій подполковникъ Заварницкій черезъ своихъ агентовъ распространялъ революціонныя изданія, поддѣлывалъ печати, подкладывалъ бомбы; если секретный сотрудникъ Бровцовъ, получивъ отъ ротмистра Никифорова деньги и оружіе, организовывалъ экспропріацію и лично въ ней участвовалъ; если другой агентъ, Егоровъ, по приказанію полковника Дремлюги, помогалъ оборудованію тайной типографіи и самъ въ ней въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ печаталъ „преступныя“ воззванія, которыя тысячами получали распространеніе—все это, пожалуй и по Вашему мнѣнію, носило характеръ провокаціи. Но когда шпіонъ Гуровичъ давалъ сотни рублей „за литературу“ (народовольческую), а Серебрякова содѣйствовала храненію транспортовъ нелегальныхъ изданій и снабжала революціонеровъ деньгами и подложными документами, которыми пользовались по нѣсколько лѣтъ; когда Гернгроссъ-Жученко закупала химическіе припасы для динамитной мастерской Бахарева и снабжала браунингомъ террористку Фрумкину, — все это, по терминологіи Вашихъ охранниковъ, являлось не болѣе, какъ розыскнымъ пріемомъ.

Но не ясно-ли, однако, что между двумя категоріями вышеприведенныхъ фактовъ нѣтъ никакой разницы? И тамъ, и здѣсь агенты полиціи активно помогаютъ революціонерамъ, и дѣйствія ихъ, такимъ образомъ, являются въ обоихъ случаяхъ чисто провокаціонными. Такихъ, бросающихся въ глаза, наглядныхъ фактовъ я могъ бы указать Вамъ сотни. Болѣе того, въ любомъ политическомъ дѣлѣ, возникшемъ вслѣдствіе агентурныхъ указаній, я берусь найти несомнѣнные признаки провокаціи. Безчисленное количество извѣстныхъ мнѣ примѣровъ свидѣтельствуетъ объ одномъ: *освѣдомленность секретнаго сотрудника находится въ прямой зависимости отъ его пособничества дѣлу революціи.* Если агентъ полиціи ничего не сдѣлаетъ для революціонеровъ, онъ не добьется довѣрія и мало что узнаетъ; для того, чтобы проникнуть въ центръ какой-нибудь конспиративной группы, вывѣдать ея секреты, шпіонъ долженъ оказывать прямыя услуги революціи, *онъ долженъ быть провокаторомъ.* Изъ этого волшебнаго круга никогда не выйдетъ. Техника политическаго розыска — того розыска, который строится на свѣдѣніяхъ такъ называемыхъ „внутреннихъ“ агентовъ, а не на обыкновенныхъ

пріемахъ законномѣрнаго сыска, практикуемаго во всѣхъ культурныхъ странахъ (слѣженіе, развѣдки, допросы). Господа Зубатовы знаютъ это прекрасно, но они хотятъ увѣрить, что при хорошей постановкѣ агентура всегда умудрится сдѣлать для охраны болѣе, чѣмъ для революціи. Это — вздоръ. Подобные „счастливые“ — для Васъ, г. Столыпинъ, — случаи являются исключеніемъ, — это во-первыхъ; во-вторыхъ, много-ли такихъ искусниковъ среди шпіоновъ, думающихъ вседневно только о лишнемъ рублѣ, и руководителей ихъ, мечтающихъ лишь поскорѣе отличиться? Всегда-ли возможно проконтролировать дѣйствія внутренняго агента? И какъ можно учесть точный активъ и пассивъ его работы, если даже на это была бы охота?

Отвѣтъ на эти вопросы мы можемъ получить изъ разсмотрѣнія классическаго въ этомъ отношеніи случая съ Азефомъ. Много и съ напускной авторитетностью Вы говорили объ этомъ въ Государственной Думѣ. Вы, повидимому, добросовѣстно заучили передъ тѣмъ досье, надъ которымъ двѣ-недѣли трудился бывшій начальникъ Азефа. Но Вы или не знали или умолчали о томъ существенномъ, что въ это досье не попало. Доложилъ-ли Вамъ г. Ратаевъ о томъ, что и онъ, и Зубатовъ, и Мѣдниковъ — эти столпы сыска, близко знавшіе Азефа, считали послѣдняго несомнѣннымъ „прохвостомъ“ и были увѣрены, что онъ не все говоритъ, что знаетъ? Пояснилъ-ли Вамъ г. Ратаевъ, что, не смотря на неполное довѣріе къ Азефу, отъ послѣдняго, въ силу высшихъ интересовъ агентурной тактики, не требовали большаго, предоставляя ему выдавать то, что онъ пожелаетъ; что руководители Азефа, понимая, что онъ неизбѣжно долженъ выполнять тѣ или другія партійныя функціи, не могли ни провѣрить его дѣйствій, ни отказаться отъ его услугъ, такъ какъ онъ былъ „единственный“; что имъ оставалось лишь терпѣливо ждать, когда Азефъ исполнитъ ихъ инструкціи — проникнетъ въ центръ партіи соціалистовъ-революціонеровъ?

Какъ извѣстно, Азефъ выполнилъ свою задачу блестяще. Вы не безъ удовольствія засвидѣтельствовали въ свое время, что этотъ „вѣрный“ слуга Вашъ чуть ли не спасъ жизнь вѣнценосца. Но изъ скромности, должно быть, и Вы тогда кой о чемъ умолчали, а именно, Вы не объяснили, *какимъ путемъ* Азефъ достигъ положенія, которое ему дало возможность предупреждать заговоры; Вы не отмѣтили, что ради пріобрѣтенія такого престижа Азефъ допустилъ убійства губернатора, министра и великаго князя, и не только допустилъ, но и *лично участвовалъ въ этихъ террористическихъ актахъ*...

Мораль проста: правительству въ лицѣ своего агента, пришлось совершать именно то, для предотвращенія чего онъ былъ призванъ.

Таковъ былъ конечный результатъ азефской авантюры, въ которой принципы мудрой „постановки агентуры“ были примѣнены въ широкомъ масштабѣ, причемъ руководителями явля-

лись мастера своего дѣла, а исполнителемъ былъ одинъ изъ талантливѣйшихъ ихъ учениковъ. Случай этотъ вовсе не является исключеніемъ — онъ въ высшей степени типиченъ для всѣхъ явленій этого рода. Дѣло Азефа характеризуетъ всю суть розыскной системы русской политической полиціи, оно вскрываетъ ея основной принципъ: *для того, чтобы имѣть возможность предупреждать преступленія — надо допускать совершеніе таковыхъ.*

* * *

Напрасно поэтому Вы увѣряете, что правительственная власть серьезно борется съ провокаціонной язвой. Было бы нетрудно доказать, что это невѣрно даже по отношенію къ тѣмъ случаямъ, когда дѣятельность Вашихъ агентовъ носила наглѣйшій характеръ и не могла быть скрыта. Но дѣло не въ этомъ. Совсѣмъ не важно, былъ-ли переведенъ переусердствовавшій агентъ въ другой городъ, или его перемѣстили на другую должность, или онъ былъ уволенъ со службы съ приличной его заслугамъ пенсіей. Нѣтъ, дѣло въ томъ, что, по моему глубокому убѣжденію, вынесенному изъ того, что я видѣлъ и знаю, никакими частными мѣропріятіями нельзя искоренить зла, которое вытекаетъ изъ самой природы даннаго явленія. Даже въ томъ случаѣ, если бы у Васъ дѣйствительно имѣлось твердое желаніе уничтожить это зло, Вы ничего не могли бы сдѣлать: *провокація будетъ неизбѣжно сопровождать Вашу борьбу съ революціоннымъ движеніемъ, Вашъ политическій розыскъ такъ, какъ сифилисъ сопровождаетъ проституцію.*

Эту язву излѣчите не Вы. Зараза исчезнетъ безъ слѣда, какъ только въ русскую жизнь вольется струя вольнаго, чистаго воздуха, когда свободное слово, терпимость къ инакомыслящимъ и инаковѣрующимъ, личный починъ и общественная самодѣятельность прочно завоюютъ права гражданства; когда страна будетъ освобождена отъ жестокаго угнетенія тѣми, усерднымъ стражемъ которыхъ Вы являетесь. О позорѣ провокаціи забудутъ, когда у кормила власти политически свободнаго народа станутъ люди чести и нравственныхъ правилъ, когда новыя формы направятъ государственную дѣятельность не на борьбу съ тѣмъ, что никогда не умретъ, а на дѣйствительную пользу великой, но несчастной Россіи.

Вы, г. Столыпинъ, не будете тогда премьеръ-министромъ: правительство въ то время будетъ отвѣчать передъ народомъ за свои преступленія. Этотъ грозный моментъ, быть можетъ, не такъ далекъ, какъ Вы думаете. Онъ приближается, и Вамъ не въ пору утѣшаться девизомъ Вашихъ предшественниковъ: „Après nous le déluge". Какъ знать! Быть можетъ, не послѣ Васъ, а при Васъ.

Парижъ, 6/19 февраля 1911 г.

Леонидъ Меньщиковъ.

БИБЛІОТЕКА

Отъ автора.

Исключительное положеніе, въ которомъ я находился, дало мнѣ возможность пріобрѣсти большой запасъ свѣдѣній и документовъ, касающихся русскаго освободительнаго движенія. Часть этихъ матеріаловъ, по вопросамъ, составляющимъ главный предметъ моего изученія за время длительнаго пребыванія въ полицейской средѣ, использована въ двухъ, подготовленныхъ къ печати, книгахъ. Первая изъ нихъ „*20 лѣтъ во вражьемъ станѣ*“ посвящена исторіи и организаціи политическаго сыска въ Россіи, описанію наиболѣе крупныхъ его дѣлъ и характеристикѣ дѣятелей охраны; вторая — „*Черная книга*“, содержитъ алфавитный списокъ (нѣсколько тысячъ именъ) лицъ, подвизавшихся на розыскномъ поприщѣ; въ первой части этой книги находятся подробныя свѣдѣнія о провокаторахъ, шпіонахъ, сыщикахъ, доносчикахъ, жандармахъ и т. п.; во второй части приведены, in extenso, наиболѣе важные документы, касающіеся дѣятельности героевъ охраннаго міра. Другая категорія моихъ обработанныхъ матеріаловъ имѣетъ болѣе общій характеръ. Сюда относятся *"Отъ реакціи до революціи* (1886-1906 гг.)" — очерки преслѣдованія такъ называемыхъ «преступныхъ обществъ», составленные на основаніи оффиціальныхъ документовъ; *"Сборникъ программъ и уставовъ"* тайныхъ политическихъ организацій и группъ, существовавшихъ въ Россіи за послѣдніе 50 лѣтъ; *"Газета Департамента Полиціи"*, являющаяся самой полной лѣтописью событій за боевые 1902-1905 годы; *„Доклады Рачковскаго, Ратаева и Гартинга“*, завѣдывавшихъ русской полицейской агентурой заграницей. Наконецъ имѣется цѣлая серія *обзоровъ, докладовъ, записокъ, донесеній* и пр., касающихся нѣкоторыхъ періодовъ, или отдѣльныхъ сторонъ и эпизодовъ революціоннаго движенія, а также обширная коллекція секретныхъ циркуляровъ и другихъ распоряженій, имѣющихъ отношеніе къ «внутренней политикѣ» — надзору, розыску и репрессивнымъ мѣрамъ.

Всякій историческій матеріалъ пріобрѣтаетъ всю полноту своей цѣнности только тогда, когда онъ перестаетъ быть собственностью частныхъ хранилищъ и становится общественнымъ достояніемъ. Сдѣлать общедоступными и богатства моего архива и мою исключительную освѣдомленность — цѣль, къ которой я стремлюсь уже давно. Но дѣло опубликованія требуетъ средствъ; одному оно не по силамъ; мнѣ нужна помощь. И я надѣюсь, что люди, которымъ дороги интересы освободительнаго движенія, всѣ тѣ, кто понимаетъ насколько важно изученіе пройлаго въ цѣляхъ извлеченія изъ него уроковъ для настоящаго — не откажутъ мнѣ въ содѣйствіи, какъ совѣтомъ и указаніями, такъ и матеріальной поддержкой.

Лицъ, интересующихся моими матеріалами и работами, прошу обращаться по адресу:

Paris, bureau de poste avenue d'Orléans, boîte 21,

на внутреннемъ конвертѣ обозначать: „для М.“. Изъ Россіи рекомендуется посылать письма на знакомыхъ, живущихъ заграницей, съ просьбой направить посылаемое по вышеуказанному адресу.